

ЖИЗНЬ БЕЗ АНТРАКТОВ

Исполняется 70 лет народному артисту РСФСР Зиновию Гердту. Признание и любовь зрителей пришли к этому актеру раньше, чем он появился на экране. Сначала великий итальянский комик Тото заговорил на наших экранах голосом Гердта, а вслед за ним и многие другие звезды зарубежного кино. Потом мы услышали авторские комментарии за кадром игровых и документальных фильмов. И вот благодаря Ролану Быкову мы воочию увидели наконец того, чей голос нам давно был знаком. Гердт принес с собой на экран иронию и боль, очаровательный юмор и искреннее страдание. За всем, что он играет, стоит масштаб личности, культура, глубокое постижение и знание.

Мы встретились с многими смешными, трогательными и славными людьми. Скоро мы увидим новую работу антера — роль Мефистофеля в видеофильме «Фауст», поставленном Михаилом Козановым. И премьера, несомненно, будет для зрителей открытием нового Гердта, о котором мы могли только догадываться.

— Зиновий Ефимович, если бы вы сами могли выбрать роль, кого бы вы сыграли?

— Чего бы я хотел? Видимо, это каким-то образом уже состоялось. Может быть, не так состоялось в воплощении, как гревилось, но — сбылось желание. Я очень давно — еще двадцать три года назад — хотел сыграть Мефистофеля. Попытка сделать это в кукольном театре, но... Считалось, что кукла должна только смеяться. И хотя я уверен в обратном — куклы могут все воплотить ничуть не ниже, чем живые люди, даже выше: обобщеннее, отстраненнее, — мой замысел не удался.

И вдруг, через столько лет, мечта все-таки сбылась. Мое глубочайшее убеждение: плохих людей в чистом виде не бывает. Как и абсолютно хороших. Идеал без человеческих слабостей мне неинтересен.

Да и никому, уверен, он не может быть интересен. Мефистофель — соблазнитель, совратитель, безжалостный злой дух, злой гений. И мне нужно было увидеть его страдающим. Очеловечить его. Мучительно я искал место, где он страдает, сострадает. Не знаю, получилось это или нет... Сам я на экране вижу только неправильности. Но я и не могу на это смотреть сторонним взглядом. Самоощущение даже необходимо, но, видимо, не в той мере, в какой оно свойственно мне. Меня оно просто изводит.

— А какую из своих работ вам захотелось бы показать внуку, когда он вырастет?

— Я и сейчас его стесняюсь... Как и всех своих близких. Парадоксально, но, оказывается, ты работаешь в расчете на оценку узкого круга людей, которых глубоко стесня-

ешься. Так сложилось, что мой дом необычайно критичен, очень строг ко мне. Я имею в виду и жену, и дочь, и восьмилетнего Орика. Разве можно перед ним оказаться несостоятельным? Так вот, не стыдно было бы ему показать, видимо, Конферансье из «Необыкновенного концерта», над которым я трудился очень много лет и каждый день надеялся хоть на маленькое улучшение... Спектакль сохранился в записи на телевидении. А «Чертова мельница»? Жаль, что внук ее не увидит, там тоже были какие-то подступы к нечистой силе и к детской непосредственности одновременно. К потере профессиональных качеств черта, когда «кончалось искусство, дышала почва и судьба». Удивительно! Все-таки в кукольном театре были какие-то достижения. Может быть, еще два-три места в Адаме из «Божественной комедии». Да, иногда получалось... Очень редко... Получалось так, что меня не оставалось! Все, что есть во мне, — не знаю, где это помещается, — каким-то образом перетекало в кусочек поролона, и он обретал некую душу. И не смешил — смешить в кукольном театре очень просто. — а трогал. Был способен тронуть сердце взрослого человека...

А в кино? Лучше бы внук

ничего не видел! Если только в «Военно-полевом романе» одно место, где мой герой плачет. На лестнице... Один этот маленький эпизод. И все! Хотя нет... Пожалуй, есть еще сцена — в пустом фильме «Соломенная шляпка», где я играю рассыльного в магазине головных уборов. Там есть диалог с девушкой. Она его спрашивает: «Вы что, никогда не были женаты?» — «Нет, почему же? Был (а он холостяк убежденный). Она затаскала меня по танцам, где сквозняки, я постоянно прослуживался, и у меня был насморк...» — «И что же, вы так никогда не виделись?» — «Почему, виделись. Один раз.» — «И что же?» — «Мы расклялись». И он... заплакал! Кстати, ничего этого в сценарии, конечно, не было. Вот это — маленький кусочек правды...

— Исчерпываете ли вы себя «суетным прозвищем» актера?

— Да нет, конечно, нет. Мне нужно общаться с единомышленниками, и ничего слаще этого для меня нет. Правда, такое общение не может стать профессией... То есть, если спросить: «А какое твоё дело?» Дело — общаться с единомышленниками и приобщать к этому пока еще не единомышленников. Понимаете, я убежден, что это тоже

дело. Постулат «В споре рождается истина» часто несостоятелен в современной жизни. Видимо, было когда-то такое идеальное интеллигентное общество, в котором этот постулат был правомочен. В кругу нынешней творческой интеллигенции он совершенно не работает: никто не хочет убеждаться, все хотят только убедить. И если мы делаем вид, что слушаем оппонента, то на самом деле в это время только копию новые аргументы для новых нападков...

— Что для вас означает понятие «современный артист»?

— «Правда чувств в предложенных обстоятельствах». Люди моего ремесла знают, что такое современная манера игры, и нередко подделываются под это. А вот, скажем, Алексей Петренко, Олег Борисов, Александр Калягин — современные артисты. Техника у них удивительная, и правда чувств бывает поистине пронзительной. У Алисы Фрейндлих, Инны Чуриковой так происходит всегда. У Марины Нееловой (она просто эталон для меня) — потрясающая правда при такой... натренированности души!

— А как вы относитесь к эксперименту в театре?

— Полагаю, что он действительно необходим. Единствен-

ный выход — дать театрам возможность самим решать, что ставить, кому ставить и кому играть. Мы очень гуманны, а искусство — штука жесткая, благотворительность ни к чему хорошему привести не может. Служение театру — прекрасная миссия. Но у меня прямо-таки болит сердце, когда вижу старого человека, артиста, десятки лет проработавшего на сцене, так и не сумевшего состояться. Он отдал театру всю жизнь, а что театр от этого получил, что получил искусство? Об этом обязательно надо задумываться и говорить об этом прямо, невзирая на лица. Искусство только выиграет.

Вот я сейчас внимательно читаю статьи о том, какие шаги предпринимает новый секретариат Союза кинематографистов. Мне очень близка позиция руководителей союза, пока я разделяю все, что они задумали.

— В канун вашего почтенного юбилея вы не забыли, кем хотели быть в детстве?

— Родился я в очень маленьком городке, в который каждый год наезжаю. Себе же, озеруженному с трех сторон озерами. И самой сладкой для меня казалась участь перевозчика на лодке. Потому что — волны, дети сидят, в тебя переполняет чувство исполняемо-

го долга, ответственности. И отвага, и романтика, и ответственность очень человеческая. Мне казалось, это — настоящее, жизненное. Я даже родителям говорил об этом. А они убеждали, что надо очень стараться, это не так просто, не каждого в перевозчики возьмут — надо хорошо есть, вести себя хорошо... Потом все определилось иначе — захотел стать слесарем, что и исполнил. Я и сейчас никакую железку не могу выбросить — инструментальный шкаф полон каких-то совершенно ненужных вещей...

— И в своем главном занятии были вы когда-нибудь довольны собой?

— Предчувствие бывало. Но чтобы состоялось — не бывало, пожалуй. Хотя нет... Было! В двух местах, тоже маленьких, крошечных. В спектакле, подготовленном в учебной редакции телевидения, «Бабель. Страницы произведений». Вот в этом спектакле, где все наизусть знаю, я мог бы воскликнуть: «Ай-да Пушкин!» И больше никогда. Ну еще все впереди, я думаю. Что-нибудь произойдет...

Беседу вела
Е. ГАНЕВСКАЯ.